

Лотце Рудольф Герман

Микрокосм

**Мысли о естестве бытовой истории
человечества. Опыт антропологии.
Часть 1.**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Р83

Р83 **Рудольф Герман Л.**
Микрокосм: Мысли о естестве бытовой истории человечества. Опыт антропологии. Часть
1. / Лотце Рудольф Герман – М.: Книга по Требованию, 2023. – 547 с.

ISBN 978-5-519-93950-8

ISBN 978-5-519-93950-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Отъ Переводчика	I
Отъ Автора	xvii

КНИГА ПЕРВАЯ. ТѢЛО.

ГЛАВА I.

Борьба разныхъ воззрѣній на природу.

Миеологическая и обиходная дѣйствительность. — Личное одухотвореніе Природы и царство вещей. — Душа міра и одушевляющіе позывы. — Силы и всеобщіе ихъ законы. 1

ГЛАВА II.

Механическая природа.

Всеобщность законовъ. — Назначеніе всего дѣйствующаго. — Атомы и смыслъ предположенія ихъ. — Физическія силы. — Законы дѣйствій и ихъ сочетанія. — Общіе выводы для объясненія явленій природы 30

ГЛАВА III.

Основа жизни.

Химическое непостоянство тѣла. — Смѣна составныхъ его частей. — Возрожденіе и поддержка его силы. — Гармонія его дѣйствій. — Дѣйствующая идея. — Сообразное цѣли самохраненіе. — Раздражительность. — Машины, строимыя человѣческимъ искусствомъ 59

ГЛАВА IV.

Механизмъ жизни.

Постоянныя и срочныя отправления. — Поступательное развитіе. — Внѣзаконныя разстройства. — Употребленіе химическихъ силъ и слѣдствія ихъ для жизни. — Видообразованіе изъ безформнаго зародыша. — Смѣна веществъ, ея значеніе, форма и органы. 90

ГЛАВА V.

Строй живаго тѣла.

Кости. — Мышцы и двигательные нервы. — Сосудная система и кровообращеніе. — Дыханье и питаніе. — Выдѣленія. . . 120

ГЛАВА VI.

Поддержка жизни.

Физическій, органическій и психическій уладъ тѣлесныхъ разстройствъ. — Примѣры возстановки равновѣсія. — Сочувственная нервная система. — Постоянное безпокойство всего органическаго. — Общая картина жизни. 149

КНИГА ВТОРАЯ. ДУША.

ГЛАВА I.

Существованіе души.

Основанія принимать душу. — Свобода воли. — Несравнимость физическихъ и психическихъ процессовъ. — Необходимость двухъ разныхъ объяснительныхъ началъ. — Предполагаемое объясненіе ихъ въ одномъ и томъ же существѣ. — Единство сознанія — Что собственно не сознаніе, и въ чемъ оно дѣйствительно состоитъ. — Невозможность объяснить его изъ совокупности многихъ дѣйствій. — Соотносительное знаніе въ противоположность эмпиическому среднесложному образованію. — Сверхчувственная природа души. 175

ГЛАВА II.

Природа и способности души.

Множественность душевныхъ способностей. — Неудобства, сопряженныя съ допущеніемъ ея. — Совмѣстность ея съ единствомъ души. — Непосредственныя и пріобрѣтенныя способности. — Невозможность одной единственной первоспособности. — Предста-

вленіе, чувствованіе и хотѣніе. — Постоянная дѣятельность всего существа души. — Низшія и высшія воздѣйствія. — Измѣнчивость души и ея предѣлы. — Вѣдомая и невѣдомая намъ сущность души. 207

ГЛАВА III.

О ходѣ представленій.

Устойчивость (пробываемость) представленій и ихъ забываемость. — Взаимный гнетъ ихъ другъ на друга и тѣсноты сознанія. — Различная сила ощущеній. — Степени ясности воспоминаній — Противоположность представленій. — Смыслъ. — Направленіе хода представленій законами мыслесочетанія и воспроизведенія 240

ГЛАВА IV.

Формы соотносительнаго знанія.

Отношенія между отдѣльными представленіями, какъ предметами новыхъ представленій. — Смысла знанія и знаніе смысла. — Врожденные идеи. — Пространственно-временное мировоззрѣніе чувственности. — Разсудочное мировоззрѣніе смысла. — Понятіе, сужденіе, умозаключеніе. — Объединительное стремленіе разума. . . 275

ГЛАВА V.

О чувствованіи, самосознаніи и волѣ.

Происхожденіе и формы чувствованій. — Ихъ связь съ познаніемъ. — Оцѣняющая дѣятельность разума. — Самосознаніе; эмпирическое и чистое Я. — Побужденія и стремленія. — Воля и ея свобода. — Заключеніе. 300

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЖИЗНЬ.

ГЛАВА I.

Связь между тѣломъ и душой.

Разныя ступени міропонятія; истинныя и производныя, или второстепенныя точки зрѣнія. — Общая связь между духомъ и тѣломъ. — Возможность и необъяснимость взаимодействій между однороднымъ и разнороднымъ. — Начало ощущеній. — Направленіе движеній. — Пластическое вліяніе души 335

ГЛАВА II.

Мѣстилище души.

Смыслъ этого вопроса. — Ограниченный кругъ душевной дѣятельности. — Строеніе мозга. — Какъ происходятъ движенія. — Условія пространственнаго созерцанія. — Значеніе неразвѣтвленныхъ нервныхъ волоконъ. — Вездѣприсутствіе души и тѣла. 364

ГЛАВА III.

Формы взаимодѣйствія между тѣломъ и душой.

Органы души. — Органъ созерцанія пространства. — Тѣлесная обосновка чувствованій. — Высшее разумѣніе, нравственное и эстетическое сужденіе. — Сонъ и безсознательность. — Вліяніе состояній тѣла на ходъ представленій. — Главный органъ движенія. — Отраженныя (рефлективные) движенія. — Формы воздѣйствія, приобретаемыя навыкомъ. — Дѣлимость души. — Френологія. — Стѣсненіе или объуженіе духа связью его съ тѣломъ. 395

ГЛАВА IV.

Жизнь вещества.

Постоянный обманъ чувственности. — Невозможность, чтобы вещи изображались въ нашемъ ощущеніи. — Собственное и высшее значеніе чувственности. — Внутренняя подвижность вещей. — Вещество — явленіе сверхчувственного. — О возможности протяженныхъ существъ. — Противуположность между тѣломъ и душой все-таки остается прежняя. — Почему множественность сохраняетъ свои права передъ единствомъ. 432

ГЛАВА V.

О началѣ и концѣ душевной жизни.

Ограниченность знанія. — Вопросы о первобытной исторіи. — Несамостоятельность всякаго механизма. — Естественная необходимость и безконечная сущность, или субстанція. — Возможность дѣйствія вообще. — Начало опредѣленныхъ законовъ дѣйствія. — Безсмертіе — Возникновеніе душъ 468

Заключеніе. 497

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ людяхъ необразованныхъ очень понятно и естественно часто нескрываемое ими полувраждебное пренебреженіе къ тому, что дается не разомъ: предметъ ихъ практическаго изученія обыкновенно такъ ограниченъ, что они скоро, или по крайней мѣрѣ незамѣтно для себя, переходятъ отъ незнанія къ извѣстнаго рода знанію, удовлетворяющему ихъ ближайшія потребности; ихъ мало упражняемый умъ привыкаетъ къ легкому, наглядному рѣшенію вопросовъ, и весьма склоненъ считать ненужною тарабарщиной все то, что превышаетъ обычный уровень близорукаго ихъ опыта.

Совсѣмъ другое дѣло, когда это же самое настроеніе переносится искусственно, путями литературы и воспитанія, въ такія сферы общества, отъ которыхъ, по окружающимъ ихъ условіямъ, слѣдовало бы ожидать болѣе широкихъ понятій и стремленій болѣе возвышенныхъ: со стороны ихъ, довольствоваться одной мнимой наглядностью и не хотѣть знать того, что требуетъ умственнаго труда, становится уже однимъ изъ самыхъ жалкихъ заблужденій. Эта умственная и вмѣстѣ нравственная лѣнь всего болѣе возбуждается въ читающей массѣ тѣмъ неразборчивымъ натурализмомъ, который возстаетъ сознательно или безсознательно противъ всѣхъ вообще на-

чалъ, подъ предлогомъ, что это лишь однѣ идеи, который старается заслонить собой созерцаніе всякаго разумнаго порядка въ природѣ и жизни, и подъ часъ совсѣмъ сбиваетъ съ толку мало подготовленные головы, хотя бы впрочемъ и украшенные сѣдинами. Ученіе такого рода особенно сподручно для невѣждъ, охотно подкрѣпляющихъ свое незнаніе грубою самоувѣренностью пріемовъ; но оно прививается иногда и къ болѣе свѣдущимъ, слишкомъ вдавшимся въ одностороннее направленіе.

Со временъ знаменитой басни Хемницера, которая въ свою очередь явилась только мѣткимъ выраженіемъ сложившемуся уже убѣжденію, Метафизика слыветъ у насъ чуть ли и не до сихъ поръ образцомъ какихъ-то ни къ чему не нужныхъ ухищреній умственной гимнастики, переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Поводомъ къ такому мнѣнію послужили, отчасти, злоупотребленія художатою метафизикой и доходившіе до насъ черезъ французскую литературу темные слухи о разногласіяхъ и ошибкахъ, неразлучныхъ впрочемъ со всякою трудною задачей изслѣдывающаго ума; отчасти же та свойственная намъ привычка къ легкому и поверхностному чтенію, которая думаетъ на лету схватить все, для чего необходимо прилежное и внимательное изученіе. А между тѣмъ одно лишь такое изученіе и способно убѣдить въ томъ, что умъ не только не чуждъ метафизики, какъ какой-то несвойственной ему прививки, но что онъ метафизиченъ по природѣ, по своей сущности; что онъ необходимо предполагаетъ единство и соотношеніе тамъ, гдѣ чувственный опытъ даетъ, повидимому, одно лишь безсвязное многообразіе; что вся метафизика собственно не что иное, какъ систематическое выясненіе тѣхъ неизбѣжныхъ предположеній и домысловъ, безъ которыхъ не объяснить

бы намъ ровно ничего, и что наконецъ тѣ разнообразныя измѣненія, которымъ система эта подвергалась и подвергается въ теченіе времени, отнюдь не говорятъ противъ законности ея существованья, а показываютъ только, что и эта всепроникающая или, пожалуй, всеприкладная сторона знанія не дается человѣку готовою и вдругъ, но пріобрѣтается медленнымъ трудомъ, подлежа подобно всѣмъ прочимъ закону поступательнаго развитія, отнюдь не исключающаго поисковъ, ошибокъ, недосмотровъ, поправокъ, дополненій и т. д.

Но если метафизическія понятія, какъ и всѣ вообще мысли, не лежатъ готовыми въ умѣ, то еще менѣе готовы они въ данныхъ внѣшняго міра; дѣло въ томъ, что по существу своей природы духъ необходимо порождаетъ ихъ при встрѣчѣ съ внѣшними данными, и что необходимость эта объясняется только нераздѣльнымъ, и притомъ своеобразно-дѣятельнымъ, единствомъ духа, при способности его безконечно различать. Внѣшній міръ даетъ безчисленные матеріалы явленій, но смыслъ ихъ и значеніе, ихъ внутренняя цѣнность, самая ихъ красота,—все это развивается по поводу данныхъ матеріаловъ само-дѣятельностью духа, въ силу законовъ собственной его сущности, совершенно отличной отъ всей видимой природы. Последняя, по словамъ даже записныхъ ея поклонниковъ, не знаетъ само-дѣятельности; ей доступно только движеніе въ пространствѣ, возбуждаемое извнѣ: одинъ духъ способенъ безпространственно воспроизводить въ себѣ это движеніе и тѣмъ самымъ придавать ему явственность понятнаго для насъ смысла.

Только пріемъ или методъ, а вовсе не предметъ естественныхъ наукъ, исключаетъ и изъ ихъ области чисто-метафизическіе вопросы: онѣ обыкновенно отвертываются

отъ такихъ вопросовъ, говоря просто, что не хотятъ ихъ знать; но, въ сущности, на что бы ни устремили вы вниманіе, о чемъ ни стали бы разсуждать, вы непременно дойдете до необходимости метафизическихъ основаній. Вещь и вещество понятны для насъ только благодаря той мысли, о которой онѣ вѣщаютъ, и вѣщаютъ исключительно нашему смыслу и разуму. Для бѣльшаго удобства въ своихъ соображеніяхъ мы иногда можемъ до нѣкоторой степени отвлекать отъ нихъ эту мысль; на дѣлѣ же она неразлучно сопровождаетъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ и сокровеннѣйшихъ изгибахъ ихъ существованія. Молешоттъ очень вѣрно замѣчаетъ, что нѣтъ мозга безъ фосфора, но если онъ потомъ односторонно развиваетъ это замѣчаніе, то опытъ является тутъ же съ напомниманіемъ, что вѣдь безъ фосфора нѣтъ и костей, безъ фосфора не родится клеверъ, безъ фосфора нѣтъ гуано и т. д. Стало-быть, дѣло не въ одномъ фосфорѣ, а, главное, въ организаціи, въ своеобразности ея плана, въ той мысли, которая въ ней лежитъ.

Никто въ наше время не станетъ спорить противъ особенной важности фактическаго изслѣдованія; разногласіе начинается только тогда, когда рѣчь зайдетъ о постановкѣ факта, объ его опредѣленіи, о соотношеніяхъ его къ другимъ, болѣе или менѣе сродственнымъ или же совсѣмъ разнороднымъ, фактамъ. Вѣдь каждый такъ-называемый фактъ есть уже готовое сочетаніе принятыхъ и категорически-пріуроченныхъ впечатлѣній, то-есть собственно представленіе не самой вещи, а того дѣйствія, какое она на насъ произвела. Вы хотите избавиться отъ этой субъективной примѣси тончайшимъ анализомъ, самымъ строгимъ разложеніемъ изслѣдуемаго факта; вы нисходите, положимъ, до мельчайшихъ, микроскопическихъ

подробностей, и вездѣ встрѣчаете ту же неизбѣжно размножающуюся примѣсь. Единственнымъ спасеніемъ представляется вамъ наконецъ атомъ; но тутъ вы, къ удивленію, наталкиваетесь уже на чистый абстрактъ, на метафизическое представленіе безконечно-малаго, на математическую точку, которую, опять-таки по указанію одного внутренняго опыта, приходится вамъ надѣлать дѣйствующею силой.

Общія нормы духовной дѣятельности и соотвѣтственные имъ категорическія понятія недоступны внѣшнему опыту, а между тѣмъ вся система нашихъ познаній зиждется на нихъ, какъ на общей своей основѣ. Школа Бенгама, не вымершая и до сихъ поръ, пыталась, напри-мѣръ, утвердить всѣ нравственныя оцѣнки на понятіи о благѣ большинства, и, по смыслу ея ученія, понятіе это слагается просто наведеніемъ изъ опыта: но для того чтобъ приступить къ такой логической операціи, не должны ли мы уже имѣть въ самихъ себѣ общую норму или категорію блага? иначе мы не знали бы, куда и какъ приурочить разнообразный матеріалъ будущаго наведенія.

Необходимость основныхъ метафизическихъ понятій всего лучше доказывается тѣмъ общимъ согласіемъ, съ какимъ невольно прибѣгаютъ къ нимъ люди самыхъ различныхъ степеней образованія и самыхъ противоположныхъ убѣжденій,—ученые какъ и невѣжды, крайніе матеріалисты, такъ же какъ и отчаянные спиритуалисты,—если они хоть сколько нибудь дорожатъ внутренней связностью и общепонятной послѣдовательностью своихъ мыслей. И напрасно личный произволъ того или другаго изслѣдователя захотѣлъ бы отрицать подобную необходимость; сколько бы онъ ни увертывался отъ нея съ пренебреженіемъ или насмѣшкой, какъ бы ни прикидывался, что не хочетъ ее знать,

она все-таки отзовется въ каждой попыткѣ его къ связному мышленію и, наперекоръ ему, докажетъ свое существованіе. И, наоборотъ, многое, въ чемъ мнится намъ видѣть самую надежную, потому что наглядную, опору мысли, оказывается иногда на повѣрку чистою блазнью воображенія, которое, какъ одна изъ самыхъ обиходныхъ и привычныхъ дѣятельностей души, нерѣдко врывается съ своими внушеніями въ такіе вопросы, гдѣ она вовсе не хозяйинъ и гдѣ она только сбиваетъ насъ съ прямого пути, заманивая своими блудячими огоньками. Такъ, напримѣръ, она часто и не подозреваетъ, что съ простымъ, повидимому, словомъ вещь мы уже вступили въ открытое море метафизики, а съ словомъ вещество перенеслись въ средину безбрежнаго ея океана, и, полагаясь на кажущуюся видимость вещи и вещества, продолжаетъ напѣвать намъ, что въ нихъ найдемъ мы гораздо болѣе твердую почву, чѣмъ всѣ шаткія бредни метафизики, зараженные неизлечимой проказой идеализма. Но понятія вещи, вещества, силы, причины, слѣдствія, закона и т. д.,—все это вѣдь метафизика и совершенно невозможно безъ духовной самодѣятельности, которую мы необходимо связываемъ съ понятіемъ о душѣ, какъ единственномъ общемъ средоточіи для совмѣщенія, сравненія и переработки разнообразѣйшихъ впечатлѣній. Поэтому къ существеннымъ свойствамъ души должны во всякомъ случаѣ принадлежать—нераздѣльное единство и безконечная различительность. Мы знаемъ далѣе изъ внутренняго опыта, что душа различна и въ этой различающей своей дѣятельности, то-есть, что иначе различаетъ она въ представленіи, иначе въ чувствованіи, иначе въ стремленіи; что каждая изъ этихъ коренныхъ способностей имѣетъ свою норму, свой особенный типъ,